

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135>

Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана (по материалам могильника Кетабан)

©2023 г. Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, Ketaban, early Middle Ages, Turkic culture, Items of armaments and horse harness

Түйін сөздер: археология, Орталық Қазақстан, Кетабан, ерте орта ғасырлар, түркі мәдениеті, ат әбзелдері мен қару-жарық заттары

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, Кетабан, раннее средневековье, тюркская культура, предметы вооружения и конской упряжи

Yevgeniy Dmitriev¹ and Alexey Kukushkin^{1*}

¹Master of Humanities, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: yevgenii1992@mail.ru

^{1*}Corresponding author, PhD, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: tatarlandia@mail.ru

Turkic cenotaph from Central Kazakhstan

(based on the materials of the Ketaban burial ground)

Early Middle Ages in Central Kazakhstan are marked by the spread of fundamentally new cultural stereotypes, connected with the Turks. These are as follows: characteristic quadrangular fences, the statuary tradition of a new iconographic appearance, changes in funeral rites, spread of new types of products, mainly stirrups. The structure no. 2 of the Ketaban burial ground was an octagonal complex of two stone barrows. It contained two fences with burials of horses accompanied by weapons and horse harness. According to the totality of the features presented in the ritual practice (presence of an intra-grave structure connected with the decoration of a human burial; items not related to the equestrian equipment, etc.), this object is interpreted as a cenotaph. Radiocarbon dating was carried out on a sample of horse bone at the Mass Spectrometry Laboratory of the Centre for Physical Sciences and Technology (Vilnius, Lithuania), using accelerated mass spectrometry. It has established the age of the structure within 1 half of 7th century (calibrated interval – 595–657). This agrees with typological analogues of iron stirrups and udis and allows to consider the structure no. 2 of Ketaban burial ground as one of the most ancient monuments of Turkic culture in Central Kazakhstan.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2021–2023, project IRN AP09259147.

For citation: Dmitriev, Ye., Kukushkin, A. 2023. Turkic cenotaph from Central Kazakhstan (based on the materials of the Ketaban burial ground). *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 125–135 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.125.135](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135)

Евгений Анатольевич Дмитриев¹,
Кукушкин Алексей Игоревич^{1*}

¹гуманитарлық ғылым магистрі, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, PhD, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан

Орталық Қазақстандағы түркілік кенотаф
(Кетабан қорымының материалдары бойынша)

Евгений Анатольевич Дмитриев¹,
Кукушкин Алексей Игоревич^{1*}

¹магистр гуманитарных наук, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Карағанды, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, PhD, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Карағанды, Казахстан

Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана
(по материалам могильника Кетабан)

Ерте ортағасырлар Орталық Қазақстанда түбегейлі түркілермен байланысты жаңа мәдени стереотиптердің таралуымен танымал. Төртбұрышты қоршаулар пайда болып, жаңа иконографиялық бейненің мүсіндік дәстүрі жанданды, жерлеу салтында өзгерістер орын ала бастады, өнімнің жаңа түрлері – бастысы үзеңгі таралды. Зерттелген Кетабан қорымының № 2 құрылысы ат әбзелдері мен қару-жарағы бірге көмілген жылқыларымен екі қоршаудан тұратын кешен формалы жоспардағы сегіз пішінді «біріктірілген» екі тас обалардан тұрады. Салттық тәжірибеде ұсынылған белгілердің жиынтығы бойынша (адамның жерлеу рәсіміне байланысты қабір ішілік құрылымның болуы; мініс аттың жабдықтарына жатпайтын заттар және т. б.) бұл объект кенотаф ретінде түсіндіріледі. Жылқы сүйегінің үлгісі бойынша Технологиялар және физика ғылымдары орталығының (Вильнюс қ., Литва) масс-спектрометрия зертханасында үдеткіш масс-спектрометрияны қолдана отырып, VII ғ. бірінші жартысы шеңберіндегі нысанның жасын белгілеген радиоқөміртекті мерзімдеу жүргізілді (калибрлік аралық – 595–657 жж.), темір үзеңгілер мен ауыздықтың типологиялық баламаларына сәйкес келуі, бұл қазіргі уақытта талданып отырған құрылыстың Орталық Қазақстандағы түркі мәдениетінің ежелгі ескерткіштерінің бірі деп санауға мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2021–2023 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР09259147 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Орталық Қазақстандағы түркілік кенотаф (Кетабан қорымының материалдары бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 125–135-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.125.135](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135)

Раннее средневековье знаменуется распространением в Центральном Казахстане принципиально новых культурных стереотипов, связанных с тюрками. Появляются характерные четырехугольные ограды, расцветает статуарная традиция нового иконографического облика, происходят изменения в погребальной обрядности, распространяются новые типы изделий – главным образом стремена. Изученное сооружение № 2 могильника Кетабан представляло собой «слитый» из двух каменных курганов восьмеркообразный в плане формы комплекс, содержащий две ограды с захоронениями лошадей в сопровождении предметов вооружения и конской упряжи. По совокупности признаков, представленных в обрядовой практике (наличие внутримогильной конструкции, связанной с оформлением погребения человека; наличие предметов, не относящихся к снаряжению верхового коня и т. д.), данный объект интерпретирован как кенотаф. По образцу кости лошади проведено радиоуглеродное датирование в Лаборатории масс-спектрометрии Центра физических наук и технологии (г. Вильнюс, Литва) с применением ускорительной масс-спектрометрии, установившее возраст объекта в рамках 1-й пол. VII в. (калиброванный интервал – 595–657 гг.), что согласуется с типологическими аналогами железных стремян и удила, позволяя считать анализируемое сооружение на данный момент одним из древнейших памятников тюркской культуры в Центральном Казахстане.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2021–2023, ИРН проекта АР09259147.

Для цитирования: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана (по материалам могильника Кетабан). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 125–135. DOI: [10.52967/akz2023.1.21.125.135](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.21.125.135)

1 Введение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

Изучение тюркских комплексов в Центральном Казахстане представляет особый интерес в ракурсе заполнения информационной «лакуны» о культуре населения в раннем средневековье. В рамках данной статьи предлагается обратиться к итогам археологического изучения двух захоронений могильника Кетабан. Предварительная публикация материалов данного памятника [Кукушкин и др. 2019] была несколько схематичной, игнорируя ряд важных с нашей точки зрения вопросов, в особенности интерпретационного поля этого объекта. Другим важным дополнением являются результаты радиоуглеродного датирования, позволяющие провести корреляцию между абсолютным возрастом комплекса и обнаруженных предметов, т. е. рассматривать их как реперные при последующих исследованиях.

2 Материалы и методы (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

2.1 Методика исследований

Радиоуглеродное датирование. Принцип радиоуглеродного датирования заключается в измерении количества радиоактивного изотопа ^{14}C в образце, уменьшающегося по закону радиоактивного распада (период полураспада составляет 5730 ± 40 лет [Godwin 1962]). Однако, его содержание зависит не только от возраста образца, но и от эффекта фракционирования – процесса, изменяющего массу изотопов углерода и их относительного содержания. При этом, было установлено, что соотношение между ^{12}C и ^{13}C , а также ^{12}C и ^{14}C является стабильным в процессе их поглощения живым организмом, а на стабильные изотопы ^{12}C и ^{13}C влияет только фракционирование. В результате воздействия этого фактора радиоуглеродный возраст образцов с идентичным календарным возрастом, но с различным значением $\delta^{13}\text{C}$ будет отличаться (за стандарт $\delta^{13}\text{C}$ принято -25% , а разница в каждую промилле составляет 16 радиоуглеродных лет). Применение ускорительной масс-спектрометрии (AMS), способной одновременно измерять массу ^{12}C , ^{13}C и ^{14}C в образце, позволяет преодолевать влияние эффекта фракционирования [Зазовская 2016].

Ещё одним фактором, влияющим на возраст образца, являются вариации содержания ^{14}C в обменном резервуаре Земли в различных временных промежутках, а также регионах [Reimer et al. 2020]. Анализ древесины позволил разработать процедуру калибровки [Reimer et al. 2013] – перевода радиоуглеродного возраста в календарный.

В данной статье вводится в научный оборот радиоуглеродное определение, выполненное по образцу кости лошади в Лаборатории масс-спектрометрии Центра физических наук и технологии (г. Вильнюс, Литва) с применением ускорительной масс-спектрометрии. Калибровка осуществлена авторами статьи в программе OxCal v4.4.2, калибровочная кривая Intcal20 [Reimer et al. 2020].

2.2 Описание полученных материалов

Могильник Кетабан находится в 286 км восточнее г. Караганды (рис. 1), в 30 км к ВСВ от пос. Аркалык, в 4,49 км юго-западнее зим. Намазбай, в 4 км южнее горы Кетабан, в 5 км западнее гор Ащекен Сораны, в 2,7 км северо-восточнее зим. Айнакай и занимает вершину относительно высокой сопки (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл., Республика Казахстан). На погребальном поле, вытянутом с севера на юг, визуальнo зафиксировано шесть сооружений, представляющих собой непокрытые грунтом каменные курганы и выкладку. Работы на памятнике проводились в течение двух полевых сезонов (2018; 2022) и охватили сооружения № 1–2.

До начала работ сооружение № 2 представляло собой восьмёркообразный в плане формы комплекс размерами $10,4 \times 6$ м, высотой до 0,5 м, ориентированный длинной осью по линии «север–юг», состоящий из двух «слитых» каменных курганов. Северный объект получил название 2а, а южный – 2б (рис. 2)* (*Все иллюстрации к статье подготовлены Е.А. Дмитриевым). Насыпи сложены преимущественно из крупных камней. На комплексе был разбит прямоугольный раскоп размерами $10,5 \times 7$ м, ориентированный сообразно его конфигурации.

Сооружение 2а – каменный курган овальной в плане формы, размерами $6 \times 5,4$ м, высотой до 0,7 м, ориентированный по линии «запад–восток». В процессе разбора насыпи была выявлена кольцевая ограда, овальной формы, размерами $3,1 \times 2,5$ м, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, сооруженная из плит высотой до 0,7 м, установленных вертикально в материковый слой. В центральной части внутриоградного пространства, на уровне материка были выявлены границы грунтовой ямы, вырубленной в скальной породе. Она имела овальную в плане форму,

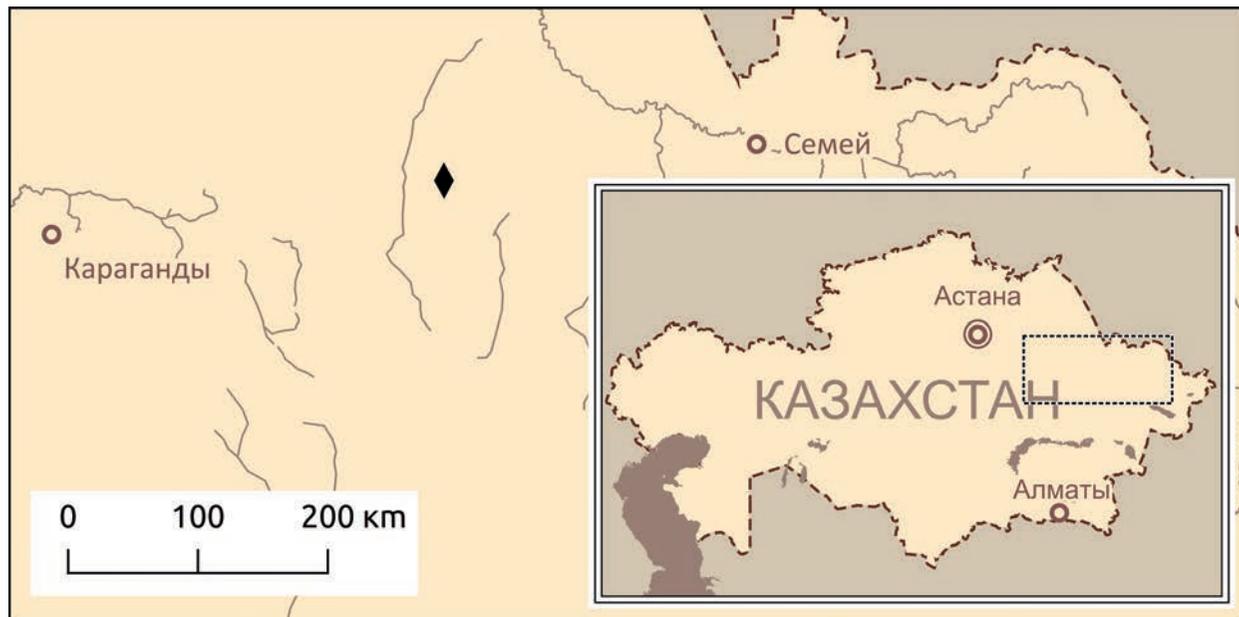

Fig. 1. Location of the monument
1-сур. Ескерткіштің орналасқан жері
Рис. 1. Местонахождение памятника

размерами 1,7×0,6 м, глубиной 0,6 м, в которой был расчищен частично потревоженный скелет лошади, уложенной на животе с подогнутыми под туловище ногами, с изогнутой вправо шеей. Костяк ориентирован на запад (рис. 3, 1). На тазовых костях лошади обнаружены половина таза и длинная кость ноги МРС. В заполнении ямы, на разных уровнях обнаружены железные наконечник стрелы, подпружная пряжка и кольцо от конского упряжного набора. У северной стенки могилы расчищено железное стремя.

Железный наконечник стрелы – трехлопастной, с ромбический в абрисе проникающей частью длиной 2,75 см. Ширина лопастей – 1,1 см, толщина до 0,15 см. Имеет выделенный черешок длиной 1,2 см, округлый в сечении (диаметр 0,25 см) (рис. 4, 7).

Железная подпружная пряжка представляет собой подтрапециевидную рамку с максимальными размерами 3,4×3,4 см. Сечение рамки подпрямоугольное, размерами 0,4×0,3 см. Изделие имеет подвижный язычок, длиной 4 см (рис. 4, 5).

Железное кольцо диаметром 2,6 см, прямоугольное в сечении, размерами до 0,4×0,2 см. Имеет обломленную подвижную планку прямоугольной формы, размерами 1,5×1,2×0,15 см (рис. 4, 4).

Железное стремя округлой формы, имеет в верхней части несомкнутое выступающее овальное в плане крепление для путлища размерами 3,5×2,4 см. Подножка плоская, длиной 8,5 см, шириной 2,8 см, с загнутыми вниз краями. Максимальные размеры изделия составляют – 12,7×12,1 см (рис. 4, 6).

Сооружение 2б – каменный курган округлой в плане формы, диаметром 5 м, высотой до 0,6 м. В процессе разбора насыпи была выявлена кольцевая ограда овальной формы, размерами 3,3×2,5 м, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Сооружена из плит высотой до 0,6 м, установленных вертикально в материковый слой, с некоторым наклоном внутрь. В центральной части вну-

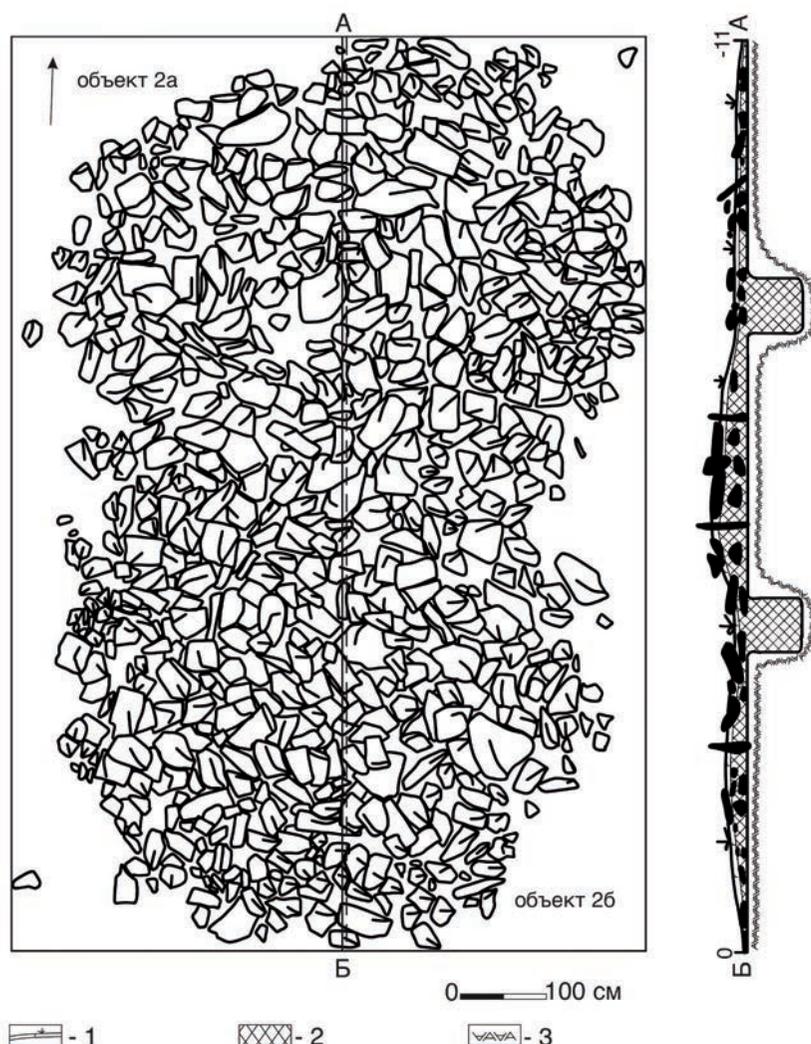

Рис. 2. Кетабан. План и профиль сооружения 2:
1 – дёрн; 2 – коричневый слой; 3 – материк

2-сур. Кетабан. 2-құрылыстың сызбасы мен профілі:
1 – қара топырақ; 2 – қоңыр топырақ; 3 – материк

Fig. 2. Ketaban. Plan and profile of structure 2:
1 – turf layer; 2 – brown layer; 3 – mainland

1,35×1 см, второе, для крепления псаля – диаметром 1,5 см. Максимальная толщина фрагмента удил 0,6 см (рис. 4, 2).

Железное стремя – округлой формы, имеет в верхней части несомкнутое выступающее прямоугольное в плане крепление для путлища, размерами 3,3×2,3 см. Подножка плоская, длиной 10 см, шириной 2,3 см, с ребром жёсткости. Максимальные размеры изделия составляют – 11,4×12,7 см (рис. 4, 1).

Железный колчанный крюк – изготовлен из прута, округлого в сечении, с максимальным диаметром до 0,5 см. Имеет обломленную прямоугольную в плане формы рамку и овальное утолщение

триоградного пространства, на уровне материка были зафиксированы границы грунтовой ямы, вырубленной в скальных породах и железный колчанный крюк. Яма имела овальную в плане форму, размерами 1,4×0,6 м, глубиной 0,6 м. В ней был расчищен потревоженный скелет лошади, уложенный с подогнутыми под туловище ногами, с изогнутой вправо шеей и направленным вниз черепом. Костяк ориентирован на запад. В челюстях находилась часть удил. Под рёбрами, с правой стороны, обнаружено железное стремя. На тазовых костях лошади располагались половина таза и длинная кость ноги МРС. С северной стороны яма была обложена тремя поставленными на ребро плитами (рис. 3, 2).

Железные удила – двухчастные, подвижные, однако у лошади была вложена в челюсти только одна их половина. Длина изделия 6,2 см. Оно имеет на обоих концах кольца. Первое, использовавшееся для соединения удил, размерами

на рабочем конце, размерами 0,7×0,5×0,4 см. Общая длина изделия составила 3,9 см (рис. 4, 3).

3 Обсуждение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

Исследованное сооружение имеет довольно своеобразную архитектуру, представляя собой восьмёркообразный в плане формы объект, состоящий из двух «слитых» каменных курганных насыпей, и вытянут по линии «север–юг».

Подобные объекты были раскопаны в Центральном Казахстане на памятнике Ащекен-Сораны, который расположен неподалеку от некрополя Кетабан, в межгорной долине, и в функциональном плане представляет собой кульгово-ритуальный комплекс, состоящий из трёх цепочек сооружений, вытянутых параллельными рядами: жертвенные круги – оградки – курганы [Кукушкин и др. 2019].

После разбора каменной насыпи в обоих случаях были выявлены ограды, состоящие из вертикально врытых в материковый слой плит с некоторым наклоном внутрь. Ближайшие в территориальном плане параллели имеются в материалах Ащекен-Сораны, с той лишь разницей, что в кульгово-ритуальных комплексах они возведены методом строительной кладки [Кукушкин и др. 2019].

В этом аспекте представляется интересной архитектура некоторых курганных насыпей у тюрок Алтая – округлой или овальной форм с подогнанными друг к другу по внешнему краю крупными валунами или плитами [Кубарев 2005: 14], которые выполняют в определенной мере функцию ограждения. Согласно статистическим данным ограды выявлены в 7,53% комплексов Алтая и 18,33% Тувы [Серегин, Матренин 2016: 95].

Оба захоронения совершены в обычных ямах, вырубленных в скальной породе, ориентированных по линии «запад–восток». На дне ям зафиксированы костяки лошадей (в одном случае,

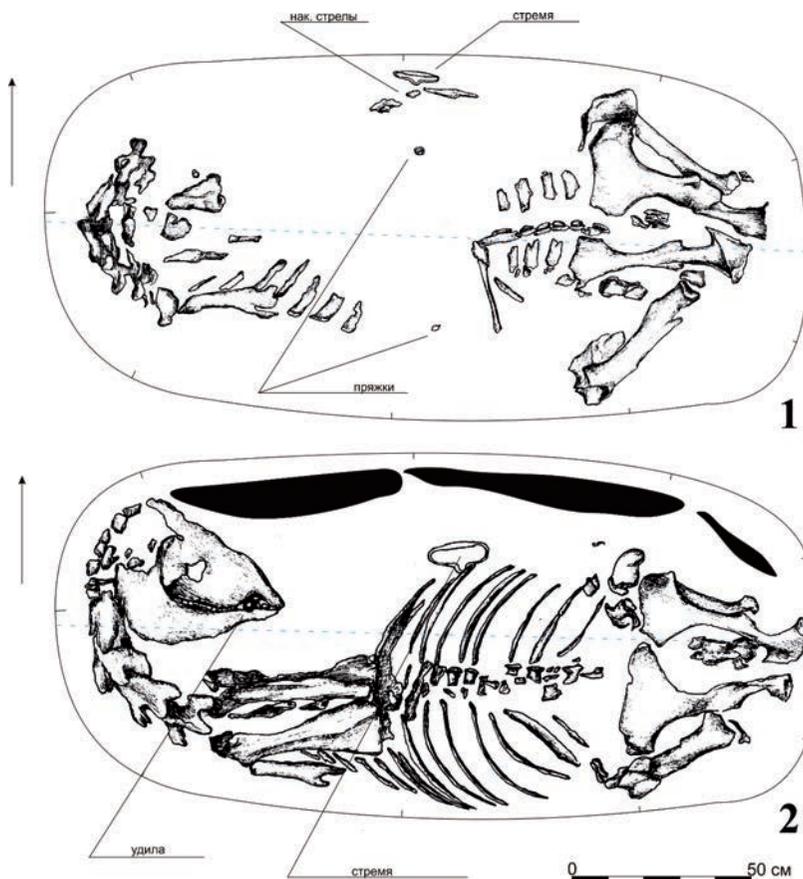

Рис. 3. Кетабан. Планы захоронений: 1 – объект 2а; 2 – объект 2б
3-сур. Кетабан. Жерлеу орны сызбалары: 1 – 2а нысаны; 2 – 2б нысаны
Fig. 3. Ketaban. Plans of burials: 1 – site 2a; 2 – site 2b

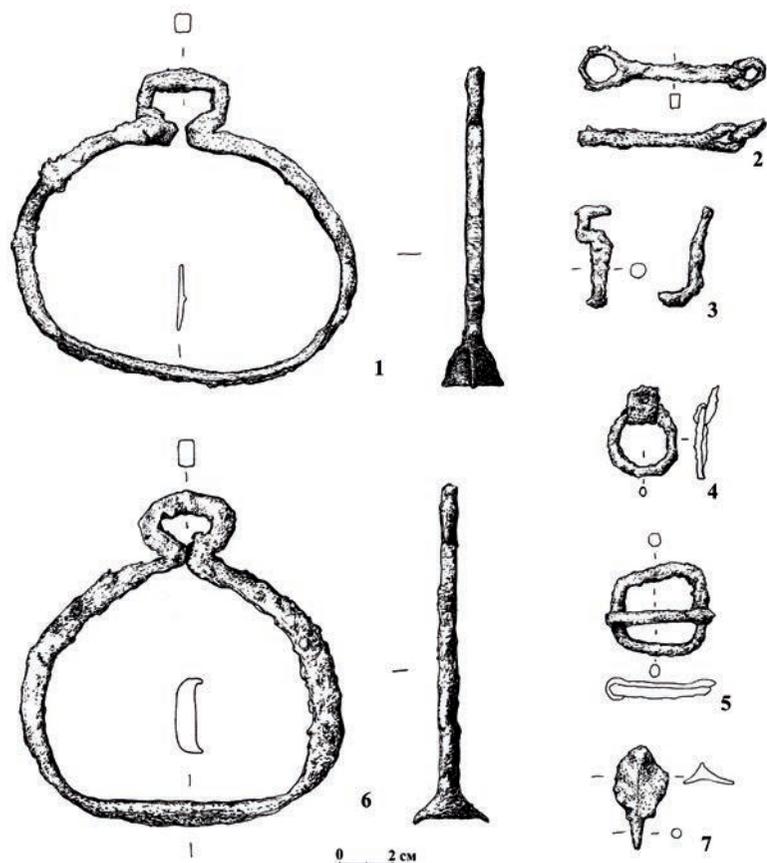

Рис. 4. Кетабан. Предметный комплекс
4-супр. Кетабан. Заттық кешен
Fig. 4. Ketaban. The subject complex

останки потревожены грабителями), направленных черепами в западном направлении. Поза животных довольно характерна для тюркской культуры – на брюхе с подогнутыми под тушу конечностями и изгибом шеи вправо. В обоих случаях животных сопровождали отдельные кости МРС. Такое положение лошадей является едва ли не «визитной карточкой» тюрков и имеет многочисленные аналоги во всем ареале данной культуры. Показательно, что в сооружении 26, северный край ямы был дополнительно обложен тремя плитами, являющимися перегородкой, отделяющей в случаях с совместными погребениями человеческие останки [Кубарев 2005: 20]. Такой элемент погребальной конструкции имеет довольно широкое распространение составляя, например, в комплексах Алтая 26,02% [Серегин, Матренин 2016: 97].

Набор предметов представлен железными наконечником стрелы, подпружной пряжкой, кольцом, колчанным крюком, удилами и двумя

стременами. К сожалению, большинство изделий не является датирующими, имея широкий временной диапазон использования.

Аналогии железной подпружной пряжке, являющейся необходимой принадлежностью ремня, предназначавшегося для стягивания подпруги, известны как в комплексах тюркского [Серегин, Матренин 2016: рис. 66, 13–17; 57, 25], так и монгольского времени [Тишкин 2009: рис. 124, 9; 125, 9–10; 118, 5; 96, 7]. Трехлопастные черешковые наконечники стрел бытовали также на протяжении длительного времени. К примеру, близкие по форме изделия обнаружены как на памятниках буланкобинской, так и тюркской культуры [Серегин, Матренин 2016: рис. 24, 4, 5; 55, 6; 57, 25].

Определённый интерес имеют железные однокольчатые удила, преобладающие в комплексах VI–VIII вв., хотя не исключается их существование и в более позднее время, но это единичные экземпляры. Несколько позже, в VIII–IX вв., получают распространение двухкольчатые удила, их наибольшее употребление достигается в IX–X вв. [Овчинникова 1990: 94]. Б.Б. Овчинниковой была отмечена любопытная взаимосвязь между внутренними размерами железного кольца и материалом, из которого изготовлены псалии. Так, диаметр роговых псалий в сечении составляет от 1,5 до

2,0 см и более в диаметре, а кольца, следовательно, должны иметь внутренний диаметр более 2,5 см [Овчинникова 1990: 98]. В нашем случае диаметр отверстия составляет 1,1 см, что, вероятно, включает использование любых иных псалиев кроме металлических.

Крюки использовались для подвешивания к саадчному поясу собственно колчанов и довольно однотипны, имея щиток со шпеньками или кольцо для крепления. В нашем случае это четырёхугольной формы рамка. Наиболее близкие аналоги известны в материалах кенотафа Калбак-Таш [Кубарев 2005: табл. 119, 3].

Традиционно большое значение для датировки имеют стремена. Их массовый характер естественным образом акцентирует внимание исследователей на разработке типологических схем и хронологии [Серегин 2017а; Кубарев 2005: 131–133; Неверов 1988]. Оба кетабанских изделия относятся к типу петельчатых или восьмёрковидных и имеют довольно близкое типологическое сходство. По мнению Г.В. Кубарева, изделия с горизонтально вытянутой, приплюснутой петлёй-ушком широко распространены в саяно-алтайских памятниках VIII–IX вв. [Кубарев 2005: 131].

Согласно С.В. Неверову, петельчатые стремена встречаются по всей территории Евразии во 2-й пол. I тыс. [Неверов 1988: 143], а аналогичные кетабанским стремена относятся к 10 и 13 типам [Неверов 1988: рис. 5, 2, 5], бытовавшим в VI–VIII вв. [Неверов 1988: 145].

Проведенное радиоуглеродное датирование позволило установить возраст данного комплекса, калиброванный интервал которого по 1σ приходится на 1-ю пол. VII в. (табл. 1), что согласуется в общих чертах с хронологией типов стремян по С.В. Неверову, и бытованием кольчатых удиц, подтверждая ценность формально-типологических схем.

Таблица 1 – Результаты радиоуглеродного датирования
1-кесте – Радиокөміртетік сараптама нәтижелері
Table 1 – Results of radiocarbon dating

Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст, BP	pMC	calAD (1σ, 68.3%)	calAD (2σ, 95.4%)	Легенда
FTMC-HL47-3	1426 ± 26	83.73 ± 0.27	605–649	595–657	Сооружение 26

Самостоятельные захоронения лошадей, как проиллюстрировано в монографии С.П. Нестерова, известны на протяжении VI–XIV вв. [Нестеров 1990] и представляют собой устойчивое явление в обрядовой практике средневекового населения [Илюшин 2003]. В вопросе интерпретации одиночных захоронений лошадей в настоящее время консенсуса не имеется. В разные годы исследователями предлагались различные версии. Так, по мнению С.П. Нестерова, они могут быть связаны с преждевременной гибелью животного или объясняются невозможностью его погребения вместе с человеком [Нестеров 1990: 79–80]. В целом признавая резонность предложенных С.П. Нестеровым вариантов, Г.В. Кубарев отметил, что нельзя исключать возможный культовый характер части из них [Кубарев 2005: 20].

Главный вопрос в области интерпретации сооружения № 2 могильника Кетабан заключается в том, является ли данный объект захоронением лошадей или кенотафом. Обобщая критерии выделения «самостоятельных» захоронений лошадей Н.Н. Серегин считает наиболее важными следующие признаки: отсутствие человеческих останков; отсутствие предметов сопроводительного

инвентаря, предназначенного для человека и внутримогильных конструкций, связанных с оформлением погребения человека или отделением его от лошади [Серегин 2017б: 37–38]. По нашему мнению, исследованный комплекс достаточно конкретно указывает на кенотаф ввиду совокупности следующих аргументов:

1) погребение в объекте 2а имеет внутримогильную конструкцию в виде перегородки из плит, отделяющей в случаях с совместными погребениями человеческие останки [Кубарев 2005: 20]. Показательно, что она расположена по правую сторону от лошади. Согласно статистическому анализу материалов Алтая, проведенному Н.Н. Серегиным и С.С. Матрениным, в абсолютном большинстве объектов лошадь (овца) находилась слева от человека – 87 (89,7%) случаев [Серегин, Матренин 2016: 118].

2) непотревоженная грабителями лошадь была взнуздана, т. е. предполагается готовность животного для транспортной функции при переходе в иной мир [Нестеров 1990: 51–85]. В данном случае мы солидарны с Б.Б. Овчинниковой в том, что в погребальной практике носителей тюркского культурного комплекса получил отражение не только культ восходящего солнца, но и представление о нахождении страны мёртвых на западе. Этим обстоятельством объясняется противоположная направленность человеческих останков головой на восток, т. е. лицом в иной мир [Овчинникова 1983: 62–63; 1984: 217–218]. Если предположить вероятность символического захоронения на могильнике Кетабан, то это обстоятельство может объяснить как взнузданный её характер, так и объяснить умышленную порчу удила, т. к. поломанные изделия станут целыми в загробном мире [Кубарев 2005: 24].

3) Присутствие в материалах памятника предметов, не связанных со снаряжением верхового коня – наконечник стрелы, колчаный крючок.

4) Наличие при каждой лошади лишь одного стремени, также может являться результатом умышленного разделения набора, хотя может быть интерпретировано и в качестве сохранения первоначальной практики использования одного изделия в качестве подножки при посадке на лошадь, что преимущественно фиксируется в ранних комплексах тюркской культуры [Тишкин, Серегин 2011: 21].

К сожалению, погребение в объекте 2а было потревожено грабителями, и мы не имеем представление о том, была ли вторая лошадь также взнуздана другой половиной удила и каков был изначальный набор вещей; представлял ли он собой один комплект конской упряжи.

Заключение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что исследованный комплекс могильника Кетабан представляет собой кенотаф, содержащий два захоронения лошадей в сопровождении железных наконечника стрелы, подпружной пряжки, кольца, колчанного крючка, удила и двух стремян. Проведенное радиоуглеродное датирование позволило установить возраст данного комплекса в рамках 1-й пол. VII в., что согласуется с типологическими аналогами изделий и позволяет считать одним из ранних памятников Западнотюркского каганата в Центральном Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 151-164.

- 2 Илюшин А.М. Об ритуале захоронения коней как этнографо-археологическом источнике // Древности Алтая / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. Вып. 10. С. 132-137.
- 3 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- 4 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2019. Кн. 1. С. 135-137.
- 5 Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VI–XII в. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129-151.
- 6 Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
- 7 Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология / Отв. ред. Д.Д. Васильев, Э.А. Кормышева. М.: Наука, 1984. С. 215-223.
- 8 Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1983. С. 60-68.
- 9 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ. 1990. 223 с.
- 10 Серегин Н.Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии // Народы и религии Евразии. 2017а. № 3–4 (12–13). С. 9-23.
- 11 Серегин Н.Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрков Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017б. № 1 (17). С. 36-47.
- 12 Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- 13 Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- 14 Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. Вып. 6. С. 14-32.
- 15 Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., ..., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725-757.
- 16 Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., ..., van der Plicht J. Intcal13 and Marine13 Radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years calBP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, no. 3. Pp. 1869-1887.

REFERENCES

- 1 Zazovskaya, Je. P. 2016. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 1 (32), 151-164 (in Russian).
- 2 Ilyushin, A. M. 2003. In: Soyonov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaja (Antiquities of Altai)*, 10. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 132-137 (in Russian).
- 3 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnyh pamyatnikov) (The culture of the ancient Turks of the Altai (based on funerary monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).
- 4 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2019. In: Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovaniy (Nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research)*, 1. Ulan-Ude: Buryat scientific center SB RAS, 135-137 (in Russian).
- 5 Neverov, S. V. 1998. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekovie (Riding horse equipment in the Altai in the early Iron Age and Middle Ages)*. Barnaul: Altai University, 129-151 (in Russian).

- 6 Nesterov, S. P. 1990. *Kon v kultah tyurkoyazychnyh plemen Tsentralnoy Azii v epohu srednevekoviya (The Horse in the Cults of the Turkic-speaking Tribes of Central Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 7 Ovchinnikova, B. B. 1984. In: Vasiliev, D. D., Kormysheva, E. A. (eds.). *Drevniy i srednevekoviyy Vostok. Istoriya, filologiya (Ancient and Medieval Orient. History, Philology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 215-223 (in Russian).
- 8 Ovchinnikova, B. B. 1983. In: Zaharova, I. V., Tomilov, N. A. (eds.). *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredelnykh territoriy (Ethnogenesis and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories)*. Omsk: Omsk State University, 60-68 (in Russian).
- 9 Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekah (Turkic Antiquities of Sayan-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Uralsk State University (in Russian).
- 10 Seregin, N. N. 2017a. In: *Narody i religii Evrazii (The peoples and religions of Eurasia)*, 3–4 (12–13), 9-23 (in Russian).
- 11 Seregin, N. N. 2017b. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (17), 36-47 (in Russian).
- 12 Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebalnyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e (The funeral rites of Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD)*. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 13 Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongolskoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov) (Altai in Mongolian times (based on archaeological sites))*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).
- 14 Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 6, 14-32 (in Russian).
- 15 Reimer, P. J., Austin, W. E. N., Bard, E., Bayliss, A., ..., Talamo, S. 2020. In: *Radiocarbon*, 62, 725-757.
- 16 Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., ..., van der Plicht, J. 2013. In: *Radiocarbon*, 55, 3, 1869-1887.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.05.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.06.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.06.2023.

